

ГЛАВА 3

Двум смертям не бывать?

Выше мы пытались показать, что при всём том, что Ева чувственная и Евы мысленная несравнимы, блуд с той и другой одинаков. *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём.* Но как можно прелюбодействовать с женщиной, не касаясь её? Причём, не просто прелюбодействовать, но прелюбодействовать *в сердце своём*? Подобные вопросы возникали перед нами, когда мы говорили о виртуальном убийстве. Кого убивает телезритель? Никого. В чём же его вина? Вина его в том, что он убивает в сердце своём.

«Опять батюшка взялся нас пугать, - наверное, думает раздосадованный читатель. - Сколько же можно? Ну, хорошо, в сердце, так в сердце, раз именно таким образом выразился Господь. Но ведь не на самом же деле телезритель блудит или убивает!»

На самом деле, милый мой читатель, грех, совершённый в сердце, страшнее греха телесного. *Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления* (Мф.15:19). И именно потому, что злым помыслам, убийствам, прелюбодеяниям и прочим преступлениям не нужно исходить из сердца, когда они оказываются там, в сердце, совершёнными, именно поэтому грех сердечный страшнее греха телесного. Как понять это диковинное утверждение?

Выше мы говорили о том странном факте, что диавол не заинтересован в телесном блуде. Конечно, это не значит, что телесный блуд менее предосудителен блуда мысленного. Думать так по меньшей мере неразумно, потому что пожар телесного блуда не может вспыхнуть без огня блуда мысленного. Однако диавол не заинтересован в телесном блуде с одной стороны по причине опасности рождения нового своего врага, а с другой стороны потому, что мысленным блудом для своего «воплощения» в блуднике-мечтателе диавол удовлетворен полностью и до конца. Диавол также не заинтересован в телесном убийстве.

«Как так не заинтересован? - изумится читатель. - Ведь здесь, наоборот, его враги убиваются, а не рождаются. Причём, руками одного врага он убивает другого врага. Двух зайцев одним выстрелом».

Во-1-х, диавол не убивает сам, но действует через своих наймитов. Но и нанимая для себя убийц, диавол не может убить человека, потому что убийство телесное это ещё не смерть. Но даже и такое убийство совершается не волей диавола, а попусшением Божиим. Об этом, диавольском полу-убийстве Господом сказано так: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф.10:28). А во-2-х, диавол всегда рискует получить от любого из обольщенных и нанятых им убийц в ответном ударе нокдаун.

В выяснении вопроса о том, почему диавол не способен совершить настоящего убийства, мы вынуждены вернуться к теме реальности и виртуальности нашей жизни. Знакомым с Апокалипсисом (*) не понаслышке должны быть известны выражения Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова «смерть первая» и «смерть вторая». *И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая* (Откр.20:14). Из этого стиха можно заключить, что под смертью первой Апостол понимает смерть телесную, т.е. прекращение земной жизни тленного человеческого тела, а под смертью второй – осуждение человека после Страшного суда на вечные мучения. Что же следует из такой очерёдности смертей? А то, что настоящей смертью является смерть вторая. Первая же смерть – виртуальна. Никакая это не смерть, но

пребывание в безтелесном состоянии в ожидании Страшного суда. Для мучеников же и исповедников Христовых «смерть первая» это – лучшая и блаженная жизнь, как об этом говорит Апостол Иоанн: *И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его (**), и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет* (Откр.20:4).

Значит, настоящее убийство, на которое не способен диавол, есть то огненное мучение, которым он сам будет убит, и которым будут убиты все перечисленные Апостолом. *Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая* (Откр.21:8).

Итак, настоящая смерть – смерть вторая, все другие смерти – ненастоящие. И если, говоря о блуде, нам надо было доказывать, что блуд реальный и блуд виртуальный одинаковы, то с убийствами этого и доказывать не надо. Всякое убийство, совершаемое диаволом – виртуально. Поэтому нет разницы, где оно совершено: в телевизоре или в жизни. Но ведь я хочу доказать уже большее, а именно, что совершаемое на экране телевизора убийство страшнее. Да, оно страшнее для человека, потому что приятнее диаволу. Именно так, убийство, совершенное по телевизору, диаволу угоднее телесного убийства.

(*) По причине поверхностного знания или даже полного незнания этой книги Иоанна Богослова слово «апокалипсис» стало синонимом страшных катастроф, тогда как буквальное его значение – «откровение», т.е. открытая в предельно обобщающих образах всемирная история от начала её и до конца, когда *времени уже не будет* (Откр.10:6). И поскольку земная наша жизнь не праздник, не шоу-бизнес, не бизнес и не классовая борьба, но решение вечной участи наших бессмертных душ, то и откровение о ней дано в великих и страшных картинах.

(**) *...не поклонились зверю, ни образу его*, или «у просэкинисан то тирион удэ тин икона авту». Прошу читателя особо заметить, что поклонение зверю («то тирион») и образу зверя («тин икона») Апостол уравнивает. Впрочем, верующему человеку, воспитанному на догмате иконопочитания, согласно которому поклонение Богу и поклонение иконе Его – равны, эти слова Апостола Иоанна ни сколько не удивительны.

Широк человек, я бы сузил его... покаянием

Начнём разбор этого необычного утверждения с того, что убийство, исшедшее из человеческого сердца, пугает самого диавола. С одной стороны, оно может обернуться раскаянием, этим ответным диаволу ударом. Тогда как неисшедшее из сердца и совершённое в нём, а не в жизни убийство, едва ли когда будет раскаяно с такой силой, как настоящее убийство. А с другой стороны, исшедшее из сердца убийство выходит из-под диавольского управления. Оно входит в мир и начинает действовать среди людских плоти и крови, т.е. в том измерении, которое причастно вечности, и которым управляет Бог.

Поэтому, казалось бы, диаволу надо радоваться, когда убийство совершается в жизни, а не в мечтании, но он скорбит, потому что убийства этой жизни все – виртуальны, они влекут за собой только смерть первую, а не вторую. Казалось бы, диаволу надо радоваться, когда льётся живая, а не виртуальная кровь, но он горюет. Однако не потому, что ему её жалко, наоборот, он готов в восторге её умывать, он горюет потому, что в отношении убийств,

совершаемых в жизни, диавол становится орудием Божиим, тогда как убийств, совершаемых в сердце человеческом, он полный хозяин и господин.

Внимательный читатель мог заметить натяжку в моих речах, а именно, я говорю так, словно телевизионное и сердечное убийства совершенно одинаковы. Но ведь иной телезритель может смотреть и не видеть, слушать и не слышать, т.е. не касаться и не вникать сердцем в телепередачи? Да, может. Однако, даже у такого телезрителя полного безучастия к работающему телевизору быть не может. Поэтому и от грядущего наказания за телегрехи он тоже не может быть освобождён.

В начале этих заметок мы разбирали, как по-разному можно относиться к слову Божьему. Можно полностью его отвергать, а можно, слушая, не слышать. И как от нашего отношения к слову Божьему зависит Божие отношение к нам. Разбирали мы и этот парадоксальный факт, что за полное неприятия Евангелия назначено несравнимо большее наказание, чем за поверхностное его слушание. Первое будет наказано по-содомски, а второе всего лишь разрушением того, что было выстроено на песке неделания. Причём, надо полагать, что если какое-то делание всё же было, то разрушений окажется меньше. А если не было никакого делания, то одного только слушания достаточно, чтобы сердце человека хоть в самой малой мере, но оказалось причастно благодати Евангелия.

То же самое с телевизором, с этой диавольской вестью. Редкий телезритель совсем не воспринимает виденного и слышанного. Иначе зачем ему включать телевизор? Чтобы наполнить шумом квартиру? С этой целью лучше включить пылесос. От него шум ровнее. Нет, он включает телевизор, потому что проявляет к нему живой интерес, стало быть, участвует сердцем. И чем живее этот интерес, тем сильнее вовлечённость телезрительского сердца в происходящее на телеэкране. Значит, если я не прав, что телевизионное и сердечное убийства совершенно одинаковы, то не прав лишь отчасти. И степень моей неправоты зависит от телезрителя, от степени его внимания к телепрограммам. Но совершенно безучастным к ним он быть не может.

Но почему я решил, что телезритель всегда отождествляет (*) себя с убийцей? Разве убиваемой в телевизоре жертве душа не сочувствует? А если сочувствует, то разве не происходит в такой душе некое очищение, называемое в искусстве катарсисом? Помню, как я переживал что-то подобное, читая у Достоевского в «Бесах», как убивали Шатова в ставрогинском парке в то самое время, когда его жена рожала ставрогинского ребёнка.

Это было время моего вседушевного увлечения Федором Михайловичем, когда за месяц я перечитал все лучшие его сочинения. Дело дошло до того, что, совершая проскомидию, я должен был отмахиваться: «Ну, не приставай, Федор Михайлович, сейчас я выну за тебя частичку». Частицу я вынимал за усопшего раба Божьего Феодора, и становилось спокойнее, а вот от кого отмахивался, не знаю, но ощущение чьего-то рядом соседства жило во мне в те дни.

Конечно, катарсические картины положительно действуют на душу читателя, освежают её, как освежается озоном воздух после грозового разряда. Но обращение с художественными молниями, т.е. сценами убийства, совокупления и прочими обоюдоострыми сюжетами требует от художника особой осторожности. Ведь можно не освежить, но погубить читательскую душу. Примеры романов Достоевского это примеры высокого поэтического (**) полёта художника. Однако не поэтическими картинами, как бы высоки они не были, совершается очищение человеческих душ. И не художественными молниями озонируется душа, но огнём Святого Духа пополяется душевная скверна, как об этом поётся в одном из церковных

песнопений: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается». Вот именно, Святым Духом, а не романами Достоевского «всяка душа живится».

(*) Каково же было моё удивление, когда я, долго считавший слово «тождество» латинским, вдруг увидел в нём родное славянское лицо, а именно корень «тожде» и суффикс «ств».

(**) Поэтического не значит только стихотворного, но всякого пиитического, т.е. творческого полёта. Ибо греческое слово «пиитис» означает «творец». Начало Символа веры по-гречески так и звучит: «пистэво ис эна феон патэра пандократора пиитин урану кэ гис». Верую во единого Бога Отца Вседержителя Поэта небу и земли...

Крайне редки художественные писания, возводящие читательские сердца горе, тем паче редки такие сюжеты на телеэкране, где кровавые сцены поставлены на поток, где если и встретится катарсическое убийство, то после сотни ковбойских убийств жалеть сто первую жертву уже нет никаких сил. Душа от телевизора не очищается, но истощается, как выскобленная абортами женская утроба, становясь не способной к рождению возвышенных чувств. Лучше же сказать, душа телевизором загрязняется, как лохань, в которую сливают помои.

Но что значит неисшедшее из сердца убийство? И если оно не изошло, то как оно может быть в сердце совершено? Может, надо обратиться к греческому оригиналу, чтобы выяснить смысл глагола «эксерхомэ» - выходить, уходить, отправляться? Но в нашем случае помощи от греческого оригинала ждать не приходится. Поскольку греческое ли, славянское ли, русское ли, всякое сердце – оригинально. Бог создал *на едине сердца их* (Пс.32:15), т.е. каждое человеческое сердце Бог создал в отдельности, в греческом тексте: «ката монас». Это значит, что сердце каждого человека – оригинально, и у каждого оно – глубоко. *Приступит человек и сердце глубоко* (Пс.63:7). Настолько глубоко сердце каждого человека, что Достоевский устами одного из своих персонажей вынужден был воскликнуть: «широк человек, слишком даже широк, я бы сузил».

Однако Господь не хочет сужать человека, Он хочет изменить его падшую природу. Он хочет от человеческого сердца перерождения. Чтобы в бесконечно глубоком и широком, но уже Им самим воссозданном и обновлённом сердце придти и обитель Себе сотворить (ср.Ин.14:23). Но чтобы стать обителью Бога, сердце человеческое должно измениться, т.е. покаяться и сокрушиться. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс.50:19). И вот этой-то перемены диавол боится пуще всего.

Выше говорилось, что диавол потому предпочитает мысленное убийство телесному, что совершение последнего может скорее обернуться раскаянием (*). Действительно, ругань, ссоры, гнев, обиды, оскорбления стали до того привычными в быту, что уже мало кем замечаются и переживаются. Скандалу, чтобы послужить к раскаянию, нужно быть чрезвычайным. Поэтому именно ругань, ссоры, гнев, обиды, оскорбления, а не убийства диаволом всячески поощряются и разжигаются. Но все эти грехи в обновлённом пришествием Христа Бога міре, согласно Евангелию от Матфея 5:22, подлежат суду, синадрию и геенне огненной. Вдумайтесь, читатель, в эти слова. Наказание, назначенное в Ветхом завете за убийство, в Новом завете назначено за напрасный гнев и оскорбление. И ещё раз вдумайтесь.

Как каралось в Ветхом завете убийство, точно так в Новом завете карается напрасный гнев и оскорбление.

Так зачем диаволу толкать христиан на убийство, когда, толкнув их на гнев и оскорбление, он добьётся того же, чего достигал убийством в ветхом – подведёт к краю геенны огненной? Зачем ему обременять себя подстрекательством на пролитие крови, когда, «воплотив» в человеке удобоприемлемый (***) помысл оскорбления другого человека, он добьётся результата, равного смертельному кровопролитию. Действительно, чтобы довести человека до уголовно наказуемого преступления, диаволу надо много и упорно трудиться, поскольку страх уголовного наказания сдерживает человека и отгоняет диавола. А тут диаволу достаточно совершить мелкую пакость, т.е. подустить человека на гневное или грязное слово, и он получит равнонаказуемый убийству результат.

(*) Расколос старушку Р.Р.Раскольников, и сам р-р-расколосся, раскаялся. Старушка с Лизаветой радуются на райских книжных небесах, а Родион с Соней начали новую праведную жизнь. Я потому в шутейном тоне о покаянии Раскольникова пишу, как и о прочих персонажах «Преступления и наказания», что, хотя они, конечно, дорогие и выстраданные для Ф.М.Достоевского лица, но в действительности они не более, чем бумажные изделия, картонки. Федор Михайлович, надеюсь, простит мне мою несерьёзность. А его «Преступление и наказание» хотя и вымышлено, зато лучше всякого действительного преступления и наказания раскрывает то, как совершенное убийство может привести человека к раскаянию и в итоге к вечному спасению.

(**) Выражение «удобоприемлемый помысел» составлено мною по образу читаемого в послании к Евреям выражения *удобь обстоятельный грех* (Евр.12:2). Это Апостольское зачало читается в Неделю всех Святых и в Неделю торжества Православия. Окончание этого зачала в Богослужбном Апостоле отмечается красной киноварной надписью – «конец всем святым и православию».

Мне могут указать на переполненные тюрьмы и сказать, что, сколько бы я не силился доказывать, что диаволу незачем утруждать себя доведением человека до тюрьмы, раз он может погубить всех одним только грехом напрасного гнева, он всё же утруждает и даже перетруждает себя, наполняя тюрьмы заключёнными. Что тут отвечать? Многие избранники Божии были доведены Им до Небесного Иерусалима ещё в земном их странствовании. Но если бы они сами в него не стремились, сами бы изо всех сил не старались в него попасть, то Бог одною Своею силою не смог бы их туда привести. И если Бог не может заставить человека делать угодное Ему, то как диавол может заставить человека выполнять свою волю?

Почему же обычно думают, что прельщённый диаволом убийца не переступил бы последней черты, если бы коварный искушитель не вложил в его руку «подвернувшийся» нож или топор? Потому что убийце выгодно, чтобы о нём так думали. Потому что тогда диавол из отягчающего превращается в смягчающее вину обстоятельство. И вместо того, чтобы со всей строгостью спросить убийцу, почему он впустил в своё сердце диавола, его за эту беспечность ещё и оправдывают. Какое, однако, безумие это оправдание!

Однако говорят же, что на человека «нашло», что на убийство его «толкнул» диавол. Но кто и как может это доказать? А вот что убийство совершает человек – этого и доказывать не

надо. Берёт в свою руку нож и бьёт им другого человека не диавол, но сам человек. А чтобы ударить ножом другого человека, для этого надо себя, так сказать, преодолеть.

Почему же стало привычно думать (*), что диавол толкает на убийство, хотя никакого резона делать этого у него, как мы видим, нет? Потому что, как бы странно это не казалось, не только убийце, но и самому диаволу выгодно, чтобы о нём так думали.

Вот интересно, зачем это кому-либо может быть выгодно, чтобы на него наговаривали лишнее? Зачем клеветнику, чтобы на него клеветали? Может быть затем, чтобы готовили себе ещё большее, чем ему, осуждение? Может, затем, чтобы и здесь, на земле, и там, в аду, работали бы на него и за него? Чтобы там, где он палец о палец не ударил, были бы собраны горящие угли руками самих же осуждённых на эти угли? Нет, вы полюбуйтесь, дорогие читатели, на хитреца! Как ловко он всё устроил. За него его работу работают, а он обхихатывается.

Так зачем же диавола превращать в маниакального убийцу, когда он крови боится, как дитя? Вот именно, он боится крови, он боится плоти, он боится их запаха и цвета и всего с ними связанного, но одновременно ненавидит их.

Какая же связь между страхом и ненавистью? Допустим, диавол боится плоти и крови, но зачем же ему их ненавидеть? Многие из нас боятся тараканов, но разве необходимо их при этом ненавидеть? Пусть себе живут, раз уж они живут, только пусть на глаза не попадают. Да мало ли кого или чего кто боится? Что же, всех их надо ненавидеть? Эдак никакой ненависти не хватит. Но у диавола особая причинно-следственная связь между страхом и ненавистью. Причина его боязни ко всему Божьему миру коренится в его боязни к Богу. Диавол боится Бога (**), а любить Его не хочет, поэтому он ненавидит Его, а заодно ненавидит всё Божие творение. Но ведь и сам диавол – творение Божие? Что же, самого себя он тоже ненавидит? Выходит, что и самого себя диавол ненавидит. Это ужасно.

Но если ненавидит, значит, маньяк? Конечно, он маньяк, он злой и больной дух. Но если телесный маньяк льёт чужую кровь со сладострастьем, то духовному маньяку горячая кровь своей жертвы не нужна. Как не нужна она и телеманьяку. Покажи ему живую кровь, он может потерять сознание от страха. Интересно, как бы он себя повёл, если бы кровь выступила на экране его телевизора? Хотя смотреть картины кровавых убийств он готов бесконечно. Так что же нужно, наконец, диаволу, если ни убийство, ни льющая из жертвы кровь ему не нужны?

(*) Что касается самого этого выражения «привычно думать», то думать привычно нас заставляет как раз таки диавольская пропаганда. Евангелие – вот что учит человека думать непривычно. В Евангелии всё непривычно земному уму. Но великая беда, если и Небесную весть земной ум начинает толковать «привычно».

(**) *Начало премудрости страх Господень* (Пс.110:10). Значит, началом премудрости диавол обладает? Только началом её он и обладает. Ни середины её, ни тем более конца премудрости он не знает. Диавол премудр, но в противоположную от Бога сторону. Премудр не в вечность, но в одномоментность. Это значит, что диавол придумает и сделает всё, чтобы добиться своего здесь и сейчас. Но чем обернётся это «счастливое мгновенье», каковы будут последствия – об этом диавол не думает. Поэтому разумение диаволом только начальной премудрости и начального страха Божия можно справедливо назвать безумием и безстрашием.

Что ему нужно, то как раз и происходит, когда человек перекалывают свою вину на дьявола. Такой человек даёт клеветнику невозбранное право клеветать на себя перед Богом. Раз он клеветает на дьявола, значит, тот имеет полное право клеветать на него. Человеку кажется, что он оправдывается, а на самом деле он только подливает масло *во огонь вечный, уготованный дьяволу и аггелом его* (Мф.25:41). (*) Вины с дьявола никто не снимает, но и с человека её снимать нельзя. Однако привычное думание о роковом и чуть ли не решающем участии дьявола в человеческих падениях стало привычным не только в неверующих, но и в верующих головах. Лучше же сказать, от верующих такое представление перешло к неверующим. А еще лучше, от маловерующих ко всем прочим.

Так, в одной из молитв, чтомых священником перед Таинством Исповеди, можно слышать слова: «Сам Владыко ослаби, остави, прости грехи, беззакония (...) бывшая от рабов Твоих сих. И аще что яко человецы плоть носяще, и в міре живуще, от дьявола прельстишася». (**). Первое предложение понятно, а второе можно переложить так: Сам, Владыко, прости рабов Твоих и за то, если они что согрешили как человеки, имущие плоть, живущие в міре и от дьявола прельстившиеся. Поставленные в один ряд выражения 1) «плоть носяще», 2) «в міре живуще», 3) «от дьявола прельстишася» заставляют слышащего их думать, что плоть и мір это как раз то, чем дьявол прельщает человека. Иными словами, не будь у человека плоти, у него не было бы многих поводов искушаться от дьявола, а живи он в пустыне, то количество таких искушения ещё бы на порядок уменьшилось.

(*) Огонь уготован дьяволу и аггелом его. Заметь это, читатель. Но отправляются в него и те, кто оказались ошуюю, т.е. слева от Господа. Причём, сказано, что они в этот огонь – идут. *И идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный* (Мф.25:46). Их не гонят, не тащат и не ведут, они сами в вечную муку идут. Эти Евангельские слова кажутся удивительными, но всмотритесь, что происходит. Если к коммунизму советский народ приобщали насильно, и если не в коммунистах, так в пионерах и комсомольцах волей-неволей побывали почти все, то телевизор никто не заставляет смотреть. Его сами готовы включать ежедневно, если вообще уже не выключают.

(**) Где-то читал, что эти молитвы попали в Требник из католических книжек в эпоху Петра I. Но тем показательнее внутренне состояние православных христиан, что занесенные из чуждого духовного міра молитвы были ими приняты в свои книги и души.

Однако дело с прельщениями обстоит прямо наоборот. Плоть человека не вина, не беда и не открытая цель для безстыдных бесовских атак, но прочная от них защита. Также и мір для большинства людей является в действительности не соблазном, но преградой для дьявольского воздействия. Сваливать же вину на дьявола и на искушения его, якобы входящие в человека через плоть и мір, выгодно, во-1-х, дьяволу, а во-2-х, последователям его.

Сомнений в том, что для подавляющего большинства людей лучше и безопаснее искушаться от своих ближних в міре, нежели от дьявола в пустыне, быть не может. Но чтобы убедиться в этом лишний раз, достаточно перечитать житие преподобного Сергия Радонежского, а также жития других преподобных отцов.

«Однажды Преподобный Сергей ночью вошел в церковь, собираясь петь заутреню. Когда он начал пение, внезапно стена церкви расступилась и вошел видимым образом сам диавол со множеством воинов бесовских, – вошел он не дверьми, но как вор и разбойник. Бесы были в литовских одеждах и островерхих литовских шапках, они бросились на блаженного, хотя разорить церковь и сровнять ее с землей. Скрежеща зубами и желая убить его, они так говорили ему: «Беги, уходи отсюда и не оставайся больше здесь, на этом месте; не мы напали на тебя, но скорее ты напал на нас. Если же ты не убежишь отсюда, не быть тебе живым: мы растерзаем тебя, и ты умрешь в наших руках». Таков обычай диавола с его гордыней: когда он начнет перед кем-нибудь похваляться или угрожать, тогда хочет уничтожить землю, высушить море, а сам не имеет власти даже над свиньями».

Вам таких искушений хочется, дорогой читатель? А если не хочется, тогда не надо кивать на плоть и на мир, якобы нас прельщающие, но наоборот, благодарить Бога, что Он оградил нас ими от диавола и искушений его. И если искушения всё же доходят до нас, потому что они не могут не дойти, *ибо надобно придти соблазнам* (Мф.18:7), то, слава Богу, что они приходят к нам ослабленными, как космические лучи в атмосфере земли, во-1-х, через собственную нашу плоть, а во-2-х, через плоти других людей, но не непосредственно от диавола.

Диавол – дух, поэтому непосредственно воздействовать на человека он может только на духовном уровне. Поэтому, чем более духовен человек, тем более он подвержен воздействиям духовного космоса, в котором обитают не только сонмы ангелов, но и полчища бесов. И наоборот, чем более плотски живёт человек, тем менее у него возможностей контактировать как с диаволом, так и с прочими духовными силами. Что же выходит? Чтобы оградиться от нежелательного общения, надо бронировать свою плоть? Надо утучнять её многоядением и отуплять многоспанием? Но такая оборона будет называться капитуляцией человека перед диаволом и сдачей ему без боя.

Чтобы далее не путать читателя двумя плотями «хорошей» и «плохой», надо определиться в понятиях. Плоть как дар Божий условимся называть «телом». А тело, соединённое с грехом – «плотью». Ограничимся этими предельно краткими определениями, чтобы не вносить в наши заметки той заразы книжничества, которая производит *большие споры, нежели Божие назидание в вере* (1Тим.1:4).

«Значит, всё-таки правильно употреблено в молитве перед Таинством исповеди слово «плоть», а не слово «тело»? - скажет мне мой внимательный читатель. - Потому что сплетённую с грехом плоть, а не богодарованное тело приводит душа к аналою со Крестом и Евангелием для того, чтобы пригвоздить эту плоть ко кресту исповеданием своих грехов и раскаянием».

Ну вот, стоило только заговорить *о словеси, и о именех, и о законе* (Деян.18:15), как книжническая зараза начала распространяться по этим страницам. Читатель, я говорю не о том, какое слово правильнее, а какое неправильнее употребить. Я говорю о подходе, о принципе, о мировоззрении, а не о таких, конечно, важных вообще, но не важных здесь деталях. Впрочем, если хочется поговорить о них, извольте, поговорим.

Плотский и плотяный

Известно, что в греческом языке для «плоти» и «тела» есть «саркс» и «сома». Очень хорошо, что в греческом языке, как и в самой Греции, «всё есть». Но и у нас дома, под рукой тоже всё есть. Зачем нам в Грецию или ещё куда-либо ходить? У нас, например, есть слова «плотский» (или другой вариант произношения: «плотской») и «плотяный». (*)

Признаюсь, что два этих слова я до самого момента, как начал писать сей абзац, не различал, думая, что за ними стоит одно и то же – плоть. Примеров тому, как два одинаковых по смыслу прилагательных образуются от одного корня, можно найти множество. Допустим, слова «кудрявый», «курчавый», «кучерявый». Разницы между ними почти никакой. Впрочем, разница, конечно, есть, поскольку это разные слова, и за разными словами стоят оттенки понятий. Но эта разница оттенков настолько мала, что едва заслуживает внимания. Короче, она не принципиальна, как сказал бы книжник, вроде меня.

Однако в словах «плотский» и «плотяный» разница принципиальная. Это именно та разница, которая пролегла между словами «плоть» и «тело». Из чего это можно заключить? Из молитвы Святителя Амвросия Медиоланского: «Отыми сердце каменное от плоти нашея, и даждь сердце плотяное боящееся Тебе, любящее, почитающее, Тебе последующее, и Тобою питающееся». (**)

(*) «Плотяный» не нужно путать со словом «платяной». Платяной шкаф, но плотяный человек.

(**) Эти слова святительской молитвы, несомненно, связаны с книгой Пророка Иезекииля: *И дам вам сердце ново и дух нов дам вам, и отиму сердце каменное от плоти вашей и дам вам сердце плотяно, и дух Мой дам в вас* (Иез.36:26).

Из этого молитвенного прошения видно, что сердце «плотяное» это решительно не «плотское», потому что плотское сердце любить, почитать и тем более следовать за Господом не будет. В свете наших кратких определений «плоти» и «тела», надо было бы сказать: «даждь сердце телесное», но сказать такое язык не поворачивается.

Живое слово это не мёртвая научная дефиниция. У него своя жизнь, к ней надо прислушиваться и стараться её понять, а не помещать за железную решётку определений. Поэтому хорошо, что мы извлекли из языковых запасников слово «плотяный», отряхнули его от пыли бессмыслицы, а то просто беда. В словаре Ушакова нет ни «плотского», ни «плотяного». В словаре Ожегова имеется только слово «плотский», и нет «плотяного». В словаре прот.Дьяченко указаны оба этих слова, но в скобочках, как это иногда делает прот.Дьяченко, соотнося славянские слова со Священным Писанием, и для того, и для другого стоит одно только греческое «тис саркос». Что это значит? Это значит, что слово «плотяный», как и многие другие славянские слова, русским языком утрачивается. Но надо же их оживлять и ворошить, иначе погибнем. Надо рыхлить корни русского языка, лежащие в языке славянском, чтобы дышали и жили именно они, а не взятые из латинского генетически модифицированные (ГМО) семена, не могущие давать потомства.

Итак, добраться дьявольскому духу до человеческого духа мешает тело. Поэтому, чтобы соблазнить человека, дьяволу приходится соблазнять его плоть. Рассмотрим, к примеру, что пришлось проделать дьяволу, чтобы соблазнить нашу праматерь Еву. Кстати, у неё до грехопадения, если применять наши дефиниции, было именно тело, а не плоть (*). Дьяволу прежде всего нужно было найти тварь, которая бы согласилась задуманное им дело. Найдя змию, дьяволу надо было научить его говорить человеческим языком. Надо было выследить Еву в уединении. А с ней сколько хлопот. Надо было увлечь её не только своей беседой, но и яблоком именно с запрещённого древа, тогда как в райском саду было изобилие деревьев и плодов. Не говорим уже о прочих мелочах, которые на деле вырастают в целые горы. Вот

сколько трудов пришлось бедняге подъять, чтобы удовлетворить свою зависть и выгнать прародителей из рая.

Чем же можно соблазнить тело? Телом же, т.е. чем-либо плотским. Как познаётся подобное подобным, так соблазняться подобное должно подобным же. Но уместно ли тогда здесь слово «плотский»? Ведь мы только что говорили, что ближайшим семантическим соседом слова «тело» является слово «плотяный». А с другой стороны, если в качестве приманки выступает неодушевлённый предмет, то он не может быть назван ни «плотским», ни «плотяным»...

Отче, прекращай *мудрствовать паче, еже подобает мудрствовать* (Рим.12:3), не морочь голову себе и читателям, пиши: тело можно соблазнить материальным. Латинские слова тоже в дело годятся. Короче, тело соблазняется тем, что можно увидеть, послушать, потрогать, понюхать и съесть. *И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел* (Быт.3:6).

И вот 7500 лет вынужден был диавол заниматься этой скучной и тягостной работой, возиться с презренной материей, а именно, подкладывать прелюбодейц и прелюбодеев, подсовывать идоложертвенное и скромное (**), писать кляузы и доносы, короче, провоцировать, разносить, разжигать, подстраивать, распространять, инспирировать, пропагандировать и устраивать перечисленные Апостолом Павлом дела плоти. *Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, [соблазны,] ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют* (Гал.5:19-21).

(*) Если применять наши дефиниции, то еще более чем Евино, не может быть названо «плотью» Пречистое Тело Христово. Однако, в одной из молитв на Божественной Литургии священник молится: «не бо подклониша плоти и крови, но Тебе страшному Богу...». Также одна из Благодарственных молитв начинается словами: «Давый пищу мне плоть Твою волею...». В воскресных стихирах на стиховне 7-го гласа: «воскресил человеки с плотию Твоею...». И, наконец, если точно следовать нашим дефинициям, самое это выражение «воплотился» должно быть изменено на «вотелесился». Но такого насилия над собой никакой живой язык не вынесет.

(**) Скромное. Что за слово такое? В.И.Даль говорит, что «скромное» происходит от слова «скоровное». Т.е. всё, что берётся с коровы: молоко, сыр, сметана, мясо, масло и плюс единственно «нескоровное» – куриные яйца, всё это скромная, т.е. непостная пища.

Поначалу диавол, конечно, свирепствовал, христиан убивал, гонения на них устраивал. Но потом увидел, что от его лютости ему же хуже, что своими гонениями он не только новых христиан на свою голову возвращает, но и убиенных увенчивает венцами Небесными. Он понял, что его дела пойдут лучше, если делать их по-тихому, невидно и неслышно, и вообще, когда о его существовании люди забудут, тогда ему можно будет губить их миллионами. Причём, не первой, неполной смертью губить, но второй и окончательной. И всё тихо-мирно, шито-крыто.

Но не противоречу ли я сам себя, говоря прежде о теле как о железном занавесе на пути дьявола к духу человека, а теперь представляя это тело дьявольской лазейкой? Никаких противоречий. Тело есть и занавес, и лазейка. Неужели в заборах не бывает дырок, тем более в русских? Да и как иначе дьяволу к духу человека подобраться, если не через плоть? И он подбирался, карабкаясь и ловчась, проникая в дыры и щели. Ну, какое ему от всего этого удовольствие? Миллионы это, конечно, тоже неплохо, но ведь ему нужны миллиарды, ему нужно всё человечество в геенну направить, всю землю заставить себе поклониться. А для этого ему надо не изворачиваясь к человекам приступать, угадывая настроения и слабости каждого, но напрямую, его дух к духу человечества приложить. Но что такое «дух человечества», когда его составляют 7 миллиардов человек? И у каждого из них своя душа? 7.000.000.000 душ! Как ко всем к ним сразу припасть и «воплотиться»?

И вот явился телевизор! Какая находка, какое великолепное изобретение к погублению рода человеческого. Дьявол ожил и возликовал. У него открылось второе дыхание. Новая эра в новой эре. Дьявольская в христианской. Теперь лазейку через плоть можно оставить, дьявол получил прямой доступ к душе. Пробка выбита, джин выпущен. Вернее, впущен в каждую душу, в каждую квартиру, где стоит телевизор. Пришла золотая дьявольская пора – эпоха телетрансляции – подготовленная другими эпохами нашей жизни: русской классической литературной, советской коммунистической диктатурной, российской демократической телевизионной.

К самой душе получил доступ дьявол со своим телевизором. Тот же, кто думает, что через телевизор дьявол по-прежнему искушает тело, только делает это во сто крат успешнее, чем когда у него телевизора не было, тот явно недопонимает, кто такой дьявол и что такое телевизор. Зачем дьяволу тело, когда он добрался до души? Зачем ему плотские грехи, когда он заставляет телезрителя грешить душевно. Причём, если раньше, в дотелевизионную эпоху каждое своё искушение дьяволу приходилось «хендмейдить», то теперь соблазн поставлен на конвейер. Телевизор для того, кто им владеет, становится орудием мощнейшего воздействия на миллиарды душ. С таким оружием воевать на тело, это всё равно что из пушки по воробьям палить. С таким оружием можно смело воевать на дух.